

* * *

* * *

Я воды принесу – мне б успеть допоздна.
По сугробам иду до большого колодца.
И в округе такая стоит тишина.
И не так уж легко мне на свете живётся.
А я воду ношу, – тяжело под рукой...
Я сражаюсь сама с безутешной печалью.
Как вода тяжела, мне б назваться рекой,
И ветра надо мной будто небо качают.
А я воду ношу – до тепла далеко...
Там дома опустели за долгую зиму.
Надо мной небеса, – не достану рукой.
И в колодце вода отстоялась – незрима.
И проходит мой день, затихает вдали.
А я воду ношу, – вымеряю шагами.
Как светлеет душа и снега подошли,
И деревня глядит на меня огоньками...

* * *

А я сегодня вновь тебя прощаю
за тех, кто в перекрестье праздных дней
взахлёб, вразнос, ликуя, сообщают
мне о тебе, чтоб сделалось больней.
А я сегодня вновь тебя целую,
целую грустно, как в последний раз.
И сквозь зарю, прозрачную, льняную,
за нами наблюдают сотни глаз.
А я сегодня вновь с тобой прощаюсь,
как будто бы на целые века.
Все перекрёстки сердцем ощущаю –
они звучат, звучат издалека.

Ты меня отпусти, я живу еле-еле,
словно красный закат, где дома в тупике.
И теснятся друг к другу волнистые ели.
И дожди так легко привыкают к руке.
Ты меня отпусти, я сегодня чужая.
Мне б пройти эту вязкую топь стороной.
Ничего, что я юность свою провожаю,
ничего, что мне каждый прохожий – родной?
Ты меня не держи, словно вечер в тумане,
где колышется тенью мой берег ночной.
Звёзды медленно тают в небесном кармане,
не успев отразиться на глади речной.
Ничего, ничего, я опять в озарении,
словно брошено кем-то на лавке пальто.
Ничего не берёт меня, даже старенье,
даже лёгкие звуки бродячих альтов.
Ты меня отпусти, дай раскинуться Миру.
Ведь и так я сегодня с собой не в ладах.
Перелётная стая опять на квартиру –
где зимовье теплее в других городах.

* * *

Что осталось: угол малый, стол, кровать.
Кажется, что мир углами сдавлен.
Девочка бегущая, похожая на мать,
проскользнула в улочку с улыбкой давней.
Если можно было бы сирень не рвать,
в этот тёплый день – блуждающую прихоть.
За домами вышла молодёжь гулять,
нарушая временно былую тишь.

Те же улицы, кварталы, окна всклянь.
Тихо поезда стекаются к развилке.
И гуляет ветер молодой, стирая грань,
на пороге позабыв свои ботинки...

* * *

Я сегодня неспешна в своих рассужденьях,
как пчела за окном своего бытия.
Я не скоро замечу деревьев паденье.
И заеду не скоро в родные края.
И теперь мне не скрыться от всех отлучений,
от щедрот этой жизни – не скрыться в миру.
Пахнут павшие травы овсяным печеньем,
я в букет эти травы себе соберу.
И не надо искать мне людского веселья.
Я сегодня сама, как сияющий май.
Лишь дороги степные немного просели,
задымили печалью в деревне дома.
И тоскует душа, всё сильнее, всё заметней...
Но не стоит бояться дождей проливных.
Мне сегодня непросто по травам столетним
прогулять свою юность в одеждах льняных.

* * *

Пахнет весной и чужими надеждами.
Срок мой земной, ты продлись, я прошу.
Лютый февраль накрывает одеждami
землю мою. Чем теперь я дышу?
Жизнь мою скучную взяли и продали,
только лишь ветер гудит за спиной.
Пахнет весной. И метели до одури
властвуют временем в связке со мной.
Пахнет весной и скупыми раздорами.
В окнах сияющий свет новизны.
Может, опять мне идти коридорами,
долго идти – до заблудшей весны...
Лютый февраль, я опять в одиночестве.
Ветер скользит по застывшим лесам...
Может, прохожий окликнет по отчеству,
может, узнает меня по глазам...

* * *

Пусть ты дальше звезды ветровой,
но живёшь по соседству,
глядя окнами в маленький двор,
от меня метрах в ста.
Я успела насытиться стоном поющего сердца,
наглядеться, послушаться ясным полётом листа.
Я ещё не простужена терпким огнём звездопада.
Сквозь меня – не разбужена –
снов проплывает река.
Я сиреновой птахой пою у подножия тленного Града.
Я метелью гляжу на редующие берега.

* * *

У города моё лицо, моё звучание.
На сотню переулков – мыслей рой.
И жест мой, и тяжёлый грим отчаянья,
как будто бы разученная роль.
И карусель рязанских тупиков
кружит мои надежды и метания.
И снежен звон ненайденных подков.
У города моя судьба, моё скитание...

* * *

В твоих глазах – века, века...

Э. Балашов

Московских улочек созвездья,
и лёгкая твоя рука.
Я, может, нынче здесь проездом,
а может быть, и на века.
И мне ль загадывать желанье?
Дождями по брусчатке бить.
В походке замечать страданье
и так услышано любить.
Московских улочек созвездья.
В твоих глазах – века, века...
Слепые ветви у подъезда.
И лёгкая твоя рука...

* * *

К земному стенанью прислушайся, Боже!
Сегодня радушный привиделся май.
И хочется бабьего счастья до дрожи –
попробуй за ворот тяжёлый поймай.
И кружится в мире такое веселье.
И кажется мне, что пришла благодать.
И сельские избы немного просели.
И горькие мысли куда бы раздать?
Засветится день, ведь теперь все едины.
Закружатся липы опять вдоль дорог.
Ещё не прошла я своей середины,
и солнце полнётся ко мне за порог.

* * *

И снова веснотравие со мною.
И вновь закат над головою рыж.
Я постучусь в твоё окно резное
легко-легко – ты лишь меня услышь.
А ты, возможно, так и не услышишь
и не увидишь на исходе дня,
как солнцезвезд струится тише-тише,
высвечивая давнюю меня.